

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ
ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԶԳԱՅԻՆ ԱԿԱԴԵՄԻԱ
NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES
OF THE REPUBLIC OF ARMENIA

ԵՐԵՎԱՆԻ ՊԵՏԱԿԱՆ ՀԱՄԱԼՍԱՐԱՆ
YEREVAN STATE UNIVERSITY

ՀԵՐԱՅԻ ՏՈՒՐՅԱԿ ԱՐԴԻ ՎԻՃԱԿԸ
ԵՎ ՉԱՐԳԼՕՄԱԿ ՀԵՌԱԿԱՐՄԵՐԸ
ARMENIAN STUDIES TODAY
AND DEVELOPMENT
PERSPECTIVES

Միջազգային համաժողով
Երևան, 15-20 սեպտեմբերի, 2003 թ.
International Congress
Yerevan, September 15-20, 2003

Ձեկուցումների ժողովածու
Collection of papers

РУССКО-ТУРЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ 1920-1921 гг.
И ВОПРОС АРМЕНИИ В СВЕТЕ СЕКРЕТНЫХ
ДОКУМЕНТОВ МОСКОВСКИХ АРХИВОВ

*Рем Казанджян
Армения*

Изучение в последние годы строго секретных документов московских архивов и, в частности, внутренней переписки российских высших партийных и государственных руководителей показало, что советско-турецкие отношения 1920-1921 гг., начиная с того времени и особенно в последние 10-15 лет, в силу целого ряда объективных и субъективных факторов, постоянно искажаются в историографии и СМИ – как у нас, так и за рубежом.

Исходя из этого, целью настоящего доклада является, в первую очередь, ознакомление научной общественности с выявленными нами в последние годы неизвестными и малоизвестными секретными документами московских архивов, проливающими иной свет на затрагиваемую проблему, равно как с теми выводами, которые неминуемо следуют из них.

В первую очередь, исследования показали, что в рассматриваемый период советско-турецкие (российско-кемалистские) отношения не были столь тесными, «дружественными и братскими», как по сей день указывается в литературе и СМИ. Еще в марте 1920 года Политбюро ЦК РКП(б) с участием В.И. Ленина, Л.Б. Каменева, К.Б. Радека, М.П. Томского и др. рассмотрело письмо наркома (министра) иностранных дел РСФСР Г.В. Чичерина Ленину о том, что «ислам ... его традиции и идеология так же враждебны нам (т.е. России – Р.К.) в международной области, как и ... отстаивание интересов казанских и уфимских буржуа», и что «к панисламизму мы (т.е. Россия – Р.К.) должны относиться как к враждебной силе, с которой возможны такие же временные сделки, как с какой-нибудь эстонской или польской буржуазией, и не больше», и далее – «мы не можем рассчитывать на длительный союз с силою, по существу нам враждебную, и мы себя можем компрометировать попытками таких союзов ... и принципиально придадим силы реакционной идеологии», а поэтому «мы должны с большей осторожностью, чем прежде, взвешивать каждый свой шаг, когда мы имеем дело с мусульманским миром, и в частности, панисламизмом». ¹ Было решено письмо Чичерина «принять к сведению» и «сообщить тов. Сталину для выработки конкретных директив». ²

Победившее в апреле 1920 г. в Турции кемалистское движение было именно таким – буржуазным, и это не могло не наложить свой отпечаток на советско-кемалистские отношения тех лет. «Наверху в Турции стоят кадеты, октябристы, националисты, которые готовы продать нас Антанте», - констатировал глава российского правительства в декабре 1920 г. на VIII Всерос-

сийском съезде Советов,³ что, безусловно, исключало всемерную поддержку их, как бы ни трубила об этом тогдашняя пропаганда.

С другой стороны, большевики видели в кемалистах, и не без оснований, «прогрессивный и демократический элемент в мусульманстве», а потому считали «дружественную политику по отношению к кемалистам чрезвычайно... важной» для себя и что «вовлечение турецких националистов в поток демократических движений на Востоке чрезвычайно усиливает наше (т.е. России – Р.К.) положение» и «сильно продвигает вперед наше разрешение восточных вопросов». ⁴ Кроме того, в правительственных кругах России считали, что «их (кемалистов – Р.К.) гибель может повести к временному, но чрезвычайно сильному развитию самого реакционного панисламизма и фанатизма с заострением против революции и против нас», и далее – «Объявление священной войны с султаном во главе против нас в случае победы этих реакционных элементов над кемалистами может подвергнуть и Баку (тогда уже советский – Р.К.) и вообще наше положение на юго-востоке новым серьезным испытаниям». ⁵ Как в последние признание Чичерин в речи на XIV съезде партии (1925 г.), впервые опубликованной только в 1991 г., и в интервью «Манчестер Гардиан» (1926 г.), «если бы мы не поддержали национального движения в Турции, Англия была бы у ворот Кавказа», а поэтому российское «правительство в интересах элементарной безопасности не могло не поддержать национального движения в Турции», ⁶ и далее – «наше тогдашнее сближение с национальной Турцией было и для последней и для нас актом самосохранения» ⁷.

Под конец, многочисленные документы того времени свидетельствуют, что в рассматриваемый период Россия имела свои интересы в закавказском регионе, в том числе и в Армении, как территорий бывшей Российской империи, ⁸ которые резко отличались от позиции кемалистского правительства в данном вопросе.

Таким образом, из многочисленных документов того времени со всей неоспоримостью следует, что российско-кемалистские отношения тех лет могли быть ничем иным, как только основанными на тактических соображениях, что, однако, не могло не порождать ошибочные иллюзии об их «дружественном и братском» характере, широко афишируемых, по вполне понятным причинам, обеими сторонами и мировыми СМИ и накладывающих свой отпечаток на внешний ход событий. В подтверждение сказанному приведем несколько примеров.

Еще в начале формирования российско-кемалистских отношений, после эйфории, охватившей советское руководство в первый период, вызванной письмом Кемалю (Ататюрку) Ленину от 26 апреля 1920 г., ⁹ было принято предложение Чичерина, изложенное им в письме Ленину от 29 июня, о том, что надо подождать с удовлетворением просьбы Турции о предоставлении оружия, пока не выяснится, не пойдет ли «это оружие... прямо или косвенно против нас», ¹⁰ т.е. России, и только 7 августа частично подошли к этому вопросу: на заседании представителей наркоматов (министерств) иностранных дел и внешней торговли РСФСР и Реввоенсовета Республики совместно с турецкой делегацией было постановлено «установить минимум тех военно-технических материалов, без которых в настоящее время Турция не может обойтись», ¹¹ что, как видно из документов, еще не означало окончательное решение вопросов. По крайней мере, 29 сентября последний был вынесен на рассмотрение пленума ЦК РКП(б) с участием В.И. Ленина, Н.И. Бухарина, Г.Е. Зиновьева, Л.Б. Каменева, К.Б. Радека, А.И. Рыкова, Л.Д. Троцкого и др., постановившего «оказать фактичес-

кую помощь деньгами и оружием кемалистам», а относительно золота – «в принципе одобрить, о деталях и размерах... сговориться» ¹².

Из документов того периода также явствует, что вплоть до середины декабря 1920 г. правительство РСФСР всего один раз предоставило Турции оружие – «для западного фронта» ¹³ и в небольшом количестве, в связи с чем в письме от 28 сентября Чичерин обращал внимание Ленина на «замечающееся разочарование кемалистов, вызванное недостаточностью и запоздалостью нашей помощи» ¹⁴. Вторая партия оружия, в связи с начавшимся в конце сентября наступлением турецких войск на Армению, была с полпути возвращена обратно. ¹⁵ (Широко распространяемая в литературе точка зрения о выдаче Турции летом 1920 г. большой партии оружия, как выясняется, основана на факте передачи оружия командованием дислоцированной в Азербайджане XI российской армии, действовавшей в данном случае, согласно их докладной, «по собственной инициативе» и «без соответствующих директив» Центра ¹⁶. При этом указывалось, что эта «помощь не могла быть полной, ибо ресурсы армии ограничены и с трудом покрывают свои потребности». Кстати, полномочный представитель РСФСР в Армении Б.В. Легран в телеграмме Чичерину от 7 августа 1920 г. также констатировал, говоря о действиях руководства XI армии, что «армейское командование... выступает с самостоятельной политикой, противоречащей нашей (т.е. российской – Р.К.) общей политической линии» ¹⁷. В дальнейшем, при подытоживании предоставленной Турции помощи, это количество оружия было включено в общий итог оказанной кемалистам помощи, породив ошибочную версию о передаче правительством РСФСР Турции летом 1920 г. большой партии оружия).

В пользу тезиса, что летом 1920 г., как и в последующем, отношение России к Турции не было столь «дружественным и братским», свидетельствует также письмо Чичерина Ленину от 12 августа с просьбой принять «сильно настаивающую на том» турецкую правительственную делегацию и «не оскорбить их отказом» (!), ибо, как отмечал при этом Чичерин, «в других отношениях мы очень плохо идем им навстречу» и в случае отказа последнее «окончательно убедило бы (кемалистов – Р.К.) в крайней холодности нашего отношения к ним» ¹⁸. Под конец, 30 ноября Ленин и Сталин по поручению Политбюро ЦК РКП(б) телеграфно запрашивали советских представителей в Закавказье «можно ли считать, что кемалисты пока еще не отошли от нас к Антанте», настоятельно рекомендуя «разоблачать двуличие кемалистов». ¹⁹

Негативное отношение было проявлено также и к территориальным притязаниям кемалистов в Закавказье. Еще в июне 1920 г., благодаря решительной позиции правительства РСФСР, турки не посмели напасть на Армению – образовавшееся на территории бывшей Российской империи буржуазное государство ²⁰. Эта позиция осталась неизменной и после начавшегося 28 сентября, отчасти под предлогом советизации, турецкого наступления на Армению. «Убедите кемалистов воздержаться от военных операций», – говорилось в директивах российского правительства советским представителям в Закавказье от 5 октября 1920 г. ²¹ «Продолжение турецкого наступления крайне нецелесообразно. Постарайтесь убедить их не делать этого», – спустя две недели вновь телеграфировал Чичерин Орджоникидзе ²². Более того, в директивах российскому представителю в Армении Б.В. Леграну от 5 октября прямо указывалось: «Армения за последнее время все больше превращается в орудие наступательной политики Антанты, но мы не можем позволить ее раздавить» ²³. В

этот же период в советских руководящих кругах поднимался вопрос об «обеспечении Армении нашими войсками неприкосновенность со стороны Турции»,²⁴ а спустя месяц советским представителям в Закавказье была дана директива «иметь наготове некоторые силы у границ Армении, чтобы моментально их двинуть, если понадобится».²⁵ Г.К. Орджоникидзе в свою очередь телеграфировал командованию Кавказского фронта: «В связи с наступлением Кемалья на Армению вероятнее всего, что нам придется вмешаться для спасения Армении. (...) Такой приказ фронт может получить от Главкома через несколько дней»²⁶.

В связи со сказанным хотелось бы остановиться еще на одном факторе, весьма характерном для того времени и того региона, - крайне плохом состоянии коммуникаций. Еще в июле 1920 года Чичерин в телеграмме С.М. Кирову для Лиграна признавался: «Нас сейчас очень затрудняет недостаток связи с Вами. Тщетно пытаемся наладить ... телеграфную связь»²⁷. В сентябре-октябре того же года он вновь сетует на плохую связь: «Мы страшно оторваны и от Тифлиса, и от Эривани, телеграф действует отвратительно, телеграммы задерживаются по неделям и часто совсем не доходят. Радио послать прямо в Тифлис мы не можем, приходится посылать окружным путем, ... и мы не уверены в их дохождении и передаче нашему представительству. Сношения с Эриванью по радио совсем не налажены», «контакт с Вами очень плох, не знаю, как быть с Вами, если не будут приезжать от Вас специальные посыльные во Владикавказ», «информация от Вас получается отрывочная, по большей части искаженная так, что нам далеко не все ясно»²⁸ и т.д. и т.п. Все это, разумеется, не могло не наложить отпечаток на события тех дней, не говоря уж о том, что, по свидетельству Чичерина, в Москве с Кавказа «по одному и тому же вопросу получали диаметрально противоположные версии»,²⁹ что еще больше усугубляло ситуацию с коммуникациями.

В 1921 г. процесс охлаждения советско-кемалистских отношений еще более углубился, хотя еще в декабре 1920 г. в российских правительственных кругах теплилась некая иллюзорная надежда, что, возможно, удастся путем переговоров аннулировать кабальный для Армении Александропольский договор от 2 декабря 1920 г. и склонить Турцию передать ей «необходимую часть турецкой Армении»,³⁰ равно как что «в случае антантовского десанта (на Закавказье - Р.К.) не исключена возможность, что совместные действия с турками (против Антанты - Р.К.) окажутся необходимыми» (письмо Чичерина в Политбюро ЦК РКП(б) от 30 ноября 1920 г.)³¹. Однако, уже в середине февраля 1921 г., по прибытии в Москву, турецкая делегация, согласно записи Н.И. Бухарина на одном из документов того времени, даже «нигде не могла добиться приема».³² Тогда же, благодаря телеграмме из Трапезунда одного из советских представителей и другим источникам, Москве стало известно, что «кемалисты осторожно строят мостик [для] возможного перехода в лагерь Антанты или, по крайней мере, разрыва с Советской Россией»³³.

Эти отношения особенно обострились в период Московских русско-турецких переговоров 1921 г. Еще в 1920 г., как известно, Россия отказалась подписать с Турцией договор о дружбе по причине того, что последняя не соглашалась с ее предложением передать Армении, тогда буржуазному государству, часть Турецкой Армении. Приехав в 1921 г. в Москву, турецкая делегация, по свидетельству Чичерина, «начала с неприкосновенности Национального пакта и Александропольского договора»,³⁴ что было расценено советским руководст-

вом как требование «передать Турции Батум и всю Армению, частью явно, частью прикрито»³⁵. Турки, кроме того, заявили, что вопрос о возвращении Армении отторгнутой от нее по Александропольскому договору территории «ни в коем случае не может быть ни рассматриваемым (на конференции - Р.К.), ни принятым ангорским национальным правительством» и что «всякие требования и претензии сверх ... границ, указанных в этом договоре, могут послужить только возобновлению прежних распрей»³⁶. т.е. возобновлению войны. «Турки обнаруживают крайнее упорство, мы же никак уступить не можем», - разъяснял Чичерин позицию советской стороны в телеграмме от 5 марта 1921 г. на имя спецпредставителя РСФСР в Турции Буду Мдивану³⁷.

Из-за всего этого дальнейшая работа открывшейся 26 февраля в Москве русско-турецкой конференции, на которую такие надежды возлагало российское руководство, оказалось под угрозой срыва. «Мы сначала не знали, - признается Чичерин в одной из телеграмм того времени, - приехала ли [турецкая] делегация заключать с нами союз или устраивать разрыв и готовить материалы против нас»³⁸. В этот же период он сообщал в ЦК РКП(б), что пока «не устранена возможность разрыва .. конференции и немедленного отъезда турок .. из-за (непризнания Россией - Р.К.) Национального пакта и Александропольского договора»³⁹. «Отношения [России] к Турции достигли крайне серьезного критического момента, ... дошли до серьезного кризиса», - сообщал он в ЦК РКП(б) 1 марта, и далее - «Каков бы ни был исход настоящей конференции, нам, несомненно, предстоит пройти через крайне трудный период в наших отношениях с Турцией»⁴⁰.

Только после того, как в целях подписания мирного договора, дабы избежать войны (турки параллельно вели переговоры также с Антантой в Лондоне), Россия согласилась на предложенную Турцией границу по рекам Арпачай (Ахурян) и Аракс (современная армяно-турецкая граница), переговоры возобновились (10 марта). Более того, как свидетельствует Чичерин в письме секретарю ЦК РКП(б) В.М. Молотову в мае того же года, турки «даже на (предложенную ими - Р.К.) Московскую границу согласились лишь с большим трудом»⁴¹. Однако и после того, как договор был готов к подписанию, турки категорически отказывались его подписывать, требуя в качестве условия письменного обязательства, что Россия будет помогать Турции деньгами ежегодно в размере 10 млн. рублей золотом в течение нескольких лет и оружием (письмо Чичерина Ленину от 17 марта 1921 г.)⁴². По этой причине Московский русско-турецкий договор 1921 г., согласно тому же источнику, был подписан не 16 марта, как значится в документе, а 18 марта, но задним числом, чтобы не выявилось нарушение советской стороной подписанного 16 марта 1921 г. в Лондоне Русско-английского торгового соглашения, в частности, его п. «А»⁴³.

И последнее. Оказывая кемалистам, в определенных целях, материальную помощь, Россия, как явствует из опубликованных нами новоявленных секретных документов, одновременно поддерживала отношения и с их противниками - младотурками (Джемалем, Энвером и др.), как «параллельным турецким центром, помимо кемалистов», «не принадлежащим к господствующей группировке кемалистов, чтобы на последних иметь возможность оказать больше давления»⁴⁴. При этом исходили также из того, что Кемаль (Ататюрк) «может создать нам (т.е. России - Р.К.) на Кавказе неприятности, посылать банды и поддерживать деньгами антисоветские элементы»⁴⁵.

Из всего сказанного, таким образом, следует, что в рассматриваемый пе-

риод советско-кемалистские отношения не были столь «дружественными и братскими», как по сей день утверждается в литературе и СМИ, и не было каких-либо их совместных действий против Армении, равно как что в вопросе территориальных притязаний Турции к Армении Россия неизменно была на стороне последней, если не считать отдельных ошибок и промахов, обусловленных также недостаточностью развития коммуникационных связей того времени.

Архивные материалы и литература

1. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ, бывш. ЦПА ИМЛ при КПСС), ф. 5, оп. 1, д. 2054, л. 5 с об.
2. РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 64, л. 1.
3. В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 42, с. 125.
4. РГАСПИ, ф. 64, оп. 1, д. 21, лл. 126, 145.
5. Там же, л. 145.
6. Ж. "Кентавр" (М.), 1991, октябрь-декабрь, с. 122-123.
7. Документы внешней политики СССР. Т. IX. М., 1964, с. 116.
8. См. также Л. Նվարդյանի, Հայաստանի բաժանուր 1920 թվականին. Երևան, 2002, с. 129, 205.
9. Архив внешней политики Российской Федерации МИД РФ (АВП РФ, бывш. АВП СССР МИД СССР), ф. 132, оп. 3, п. 2, д. 1, л. 11. Оpubл. (без п. 2): ж. "Международная жизнь" (М.), 1963, N 11, с. 147-148 (Публикации Г.С. Шишмаревой). Второй пункт опубл.: А.Н. Хейфец. Советская Россия и сопредельные страны Востока в годы гражданской войны (1918-1920). М., 1964, с. 107.
10. РГАСПИ, ф. 2, оп. 2, д. 332, л. 3.
11. АВП РФ, ф. 0132, оп. 3, п. 102, д. 1, л. 6.
12. РГАСПИ, ф. 17, оп. 2, д. 36, лл. 1-2, 4.
13. РГАСПИ, ф. 64, оп. 1, д. 21, л. 221.
14. РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2055, л. 20.
15. См.: «Մերձավոր և Միջին Արևելքի երկրներ և ժողովուրդներ», Т. XXI. Երևան, 2002, с. 121, прим. 68. Как явствует из новоявленных документов, первая партия российского золота весом не более 200 кг (согласно телеграмме 1-го секретаря полпредства России "за отсутствием точных весов золото сдано условно") была передана Турции в первой декаде сентября 1920 г. (АВП РФ, ф. 04, оп. 39, п. 232, д. 52993, лл. 4, 33. См.: Геноцид армян. Ответственность Турции и обязательства мирового сообщества. Документы и комментарий. Составитель и ответственный редактор проф. Ю.Г. Барсегов. Т. 2, ч. 1, М., 2003, с. 163-164, док. NN 817, 818). Вторая партия золота (как пояснял Г.В. Чичерин, "из числа полутора миллионов"), которую извез Москвы министр иностранных дел Турции Бекир Саму, была предоставлена кемалистам в середине ноября того же года и отобрана в пути советским руководством (РГАСПИ, ф. 64, оп. 1, д. 21, л. 278; Документы внешней политики СССР. Т. III, 1959, с. 374, док. N 213). Помощь Турции была возобновлена только в середине декабря 1920 г. (там же) - по окончании турецко-армянской войны.
16. РГАСПИ, ф. 64, оп. 1, д. 25, л. 162. Как отмечает известный английский историк Аллан Булок, "после Гражданской войны во многих обширных районах России местные ... власти взяли в привычку действовать по собственному усмотрению" (А. Буллоу. Гитлер и Сталин. Пер. с англ. Т. 1. Смоленск, 1998, с. 168).
17. РГАСПИ, ф. 64, оп. 1, д. 21, лл. 61-62. Ср.: "Большевистское руководство. Переписка

- (1912-1927)". М., 1996, с. 134-135, 141; "Независимая газета", 2000, 27 декабря, статья С.В. Константинова.
18. РГАСПИ, ф. 2, оп. 1, д. 15016, л. 1.
 19. РГАСПИ, ф. 558, оп. 2, д. 82, лл. 1, 2 об.
 20. Кемаль Ататюрк, Избр. речи и выступления. Пер. с турецк., М., 1966, с. 99-100.
 21. РГАСПИ, ф. 85, оп. 14, д. 15, л. 2.
 22. АВП РФ, ф. 04, оп. 51, п. 321, д. 54875, л. 20; РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2099, л. 3.
 23. РГАСПИ, ф. 64, оп. 1, д. 21, л. 284. См. также там же, ф. 85, оп. 14, д. 17, л. 1.
 24. АВП РФ, ф. 0209, оп. 1, п. 1, д. 10, л. 74.
 25. РГАСПИ, ф. 558, оп. 1, д. 1992, л. 10.
 26. РГАСПИ, ф. 85, оп. 14, д. 32, лл. 2-3.
 27. РГАСПИ, ф. 64, оп. 1, д. 21, л. 24.
 28. Там же, лл. 173, 283, 316 и др.
 29. Там же, лл. 312-313.
 30. АВП РФ, ф. 04, оп. 39, п. 232, д. 53001, л. 6; РГАСПИ, ф. 5, оп. 2, д. 314, л. 68.
 31. РГАСПИ, ф. 5, оп. 2, д. 314, л. 68.
 32. РГАСПИ, ф. 2, оп. 1, д. 24503, л. 1 об.
 33. Цит. по: А.Н. Хейфец. Советская дипломатия и страны Востока (1921-1927). М., 1968, с. 87, 89.
 34. РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2117, л. 1; оп. 2, д. 315, л. 20.
 35. Там же.
 36. Цит. по: Г.А. Алексанян, Э.Л. Даниелян, А.А. Мелконян, История Армении. Երևան, 1999, с. 217; то же - в "Новое время". Երևան, 2001, 21 марта.
 37. РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2117, л. 3.
 38. Там же, л. 1.
 39. РГАСПИ, ф. 5, оп. 2, д. 315, лл. 20-21.
 40. Там же, л. 20.
 41. Там же, л. 50.
 42. АВП РФ, ф. 04, оп. 39, п. 232, д. 53001, л. 44. См. также: РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 138, л. 3. Полный текст письма Г.В. Чичерина В.И. Ленину от 17 марта 1921 г. опубликован нами в ж. "Вестник общественных наук" Национальной Академии наук Армении. Երևան, 1999, N 1, с. 183-187.
 43. Согласно п. "А" упомянутого Соглашения правительство РСФР должно было воздерживаться от всякой попытки к поощрению военным, дипломатическим или каким-либо иным способом воздействия или пропаганды, какого-либо из народов Азии к враждебным британским интересам или Британской Империи действиям в какой бы то ни было форме" (Документы внешней политики СССР. Т. III. М., 1959, док. N 344, с. 608).
 44. РГАСПИ, ф. 2, оп. 2, д. 612, л. 5; ф. 5, оп. 2, д. 315, л. 38. Подробно по данному вопросу см.: Рэм Казанджян. Большевики и младотурки. Новые документы о российско-турецких отношениях (1920-1922 гг.). М., 1996; то же на турецк. яз.; то же, значительно дополненное издание на арм. яз., Երևան, 1998.
 45. РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2059, лл. 14-15.
 46. По данному вопросу см. также наши статьи в научных сборниках Института востоковедения Национальной Академии наук Армении «Մերձավոր և Միջին Արևելքի երկրներ և ժողովուրդներ» ("Страны и народы Ближнего и Среднего Востока"). Т. XX, Երևան, 2001; т. XXI, Երևան, 2002.